Текст · 30 июля 2022, 12:57
Наталья Гуменюк,

Как вторжение укрепляет демократию. Статья Натальи Гуменюк в The Atlantic о слабостях украинского общества, обернувшихся его преимуществами

Если прежде украинскую демократию часто упрекали за вечные политические разногласия, то с началом войны сильнее всего бросается в глаза единение и взаимопомощь, которые каждый день демонстрируют политики и граждане перед лицом общей угрозы. «Медиазона» публикует перевод статьи в *The Atlantic* о том, как политические идеалы трансформируются в реальные дела. Ее автора — украинскую журналистку Наталью Гуменюк — также можно регулярно слышать в нашем подкасте «Хуй войне».

В недавней командировке в деревне на границе с Россией, в перерыве между почти непрекращающимися взрывами и перестрелками, совсем юный украинский солдат объяснял мне: он воюет, потому что не хочет, чтобы его президентом был политик вроде Владимира Путина, который «уверен, что может указывать другим, что им делать». Другой доброволец, бывший тренер по тайскому боксу, добавил: Россия предлагает только «застой», а Украина «развивается, и народ может на это влиять». В другом населенном пункте неподалеку бывший мастер по ремонту бытовой техники не мог поверить, что русские солдаты готовы вторгаться «и убивать невинных людей, словно у них нет выбора». По его словам, сам он охотнее выбрал бы тюрьму.

Я журналистка, живущая в Киеве и сотрудничающая с украинскими и международными СМИ, очевидная представительница профессионального класса, который многие называют «либеральной элитой» страны. Именно мой круг часто обсуждает значение демократии, подотчетности властей народу, верховенство права, но всегда считалось, что это волнует меньшинство украинцев, в то время как большинству соотечественников эти абстрактные понятия безразличны. Занимаясь освещением путинского вторжения, я слышала не раз, как украинцы по всей стране безо всяких наводящих вопросов объясняют суть таких «больших идей» куда лучше многих ученых.

Я слышала, как бойцы на передовой рассуждали о том, как важны выборность органов власти и возможность влиять на управление страной, о свободе выбирать свой собственный путь в жизни. Я слышала, как мэр называл свой городок возле российской границы форпостом цивилизации, защищающим мир, в котором законы имеют значение. Как установщик окон в Одессе объяснял, что пришел учиться обращению с оружием, чтобы ему не пришлось «жить в стране, которой Москва будет указывает, какого президента выбирать».

Этого было так много — в маленьких разбомбленных деревушках и в суетливых городах, — что за этими разговорами стал просматриваться более глубокий процесс. Говоря о войне, украинцы формулировали свои ценности, а я все больше и больше обращала внимание на то, как именно их жизнь определяется этими ценностями, как они взаимодействуют с

государством и как власти взаимодействуют с людьми.

Обычные люди столкнулись с автократией и отвергли ее. Они не только взяли в руки оружие сами, но и стали выдвигать требования к своим лидерам. На нужды и запросы общества власть стала реагировать изобретательно и отзывчиво. Активисты, с которыми я говорила, продолжали критиковать избранных представителей, но сотрудничали с ними, сообща искали решения и находили компромиссы. Правительство зачастую было попросту перегружено, ему не хватало ресурсов, но местные администрации, мэры и губернаторы находили собственные решения проблем.

Со временем я начала замечать, что война не только заставила нас защищать свою землю и свободу; она ускорила наш путь к демократии. Независимая Украина была далека от совершенства — в ней было место коррупции, некачественному управлению, централизации власти. Но в ответ на путинскую агрессию мы стали *более* демократичными, *более* децентрализованными, *более* либеральными. Все, что делает российский президент, не просто не приносит ему успеха в узком смысле, но еще и подчеркивает, насколько сильно мы отличаемся от России, и тем самым имеет обратный задуманному эффект.

***

Павел Куштым хотел стать профессиональным трубачом, но чтобы сводить концы с концами начал ремонтировать мебель. Позже он купил квартиру на окраине Харькова, откуда родом его жена. Он

выторговал у местных властей клочок земли между бетонных многоэтажек, чтобы разбить небольшой парк, где люди могли бы отдыхать летом — и планировал еще несколько подобных проектов. Это было до войны.

Потом Северная Салтовка, где он жил, стала одним из самых опасных мест в стране — в первые недели войны она не раз попадала в новостные заголовки из-за постоянных массовых обстрелов. Павел устроил мне экскурсию по окрестностям, среди выгоревших останков зданий — одно из них он называет «домиком Барби», поскольку за обвалившимся фасадом видна мебель в квартирах, — и достал из бронежилета блокнот, заполненный именами и контактами двухсот с лишним человек, которых он помогал эвакуировать.

Когда началась война, Павел тут же принялся за дело. Он договорился со школьными директорами об организации на территориях школ бомбоубежищ, а потом просто обзванивал глав близлежащих безопасных сел, с которыми никогда раньше не пересекался, чтобы те приняли у себя харьковчан. Не все соглашались уезжать, так что Павел следил, чтобы об оставшихся тоже позаботились. Например, по его просьбе полицейские теперь приносят пенсию 77-летней женщине, которая хочет получать ее только наличными. По инициативе Павла бывший охранник присматривает за «домиком Барби», чтобы не было мародерства.

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

Как и многие украинцы, Павел настороженно относился к властям, но в условиях войны выбора не было, кроме как сотрудничать с местными чиновниками и депутатами, поэтому он смягчился. Он все еще критически относится к мэру Харькова, но восторженно говорит о некоторых чиновниках, в первую очередь — о коммунальщиках, которые чинили водопровод прямо под обстрелом.

«Мне всегда было не все равно», — говорит Павел. Он из тех, кто напишет жалобу, когда водитель автобуса закурит за рулем: «Меня считали чудаком, но теперь быть таким, как я, — нормально». По его словам, даже те соседи, которые до войны был безразличны ко всему или с большим недоверием относились к любым властям, теперь активно включились в общественную жизнь.

«Украинская демократия еще только формируется, но как общество мы опасны для Путина, — продолжает Павел. — Мы "плохой пример" для россиян, потому что показываем, что в этой части света люди способны на что-то влиять. Поэтому он хочет нас уничтожить».

***

Украинцы никогда не доверяли государству, и у них на это были основания. Столетиями у нас не было собственного государства, нами управляли извне, мы были частью империй, которые нас репрессировали

и даже запрещали говорить на собственном языке. В 1930-е годы советские власти спровоцировали Голодомор, в результате которого погибли до четырех миллионов украинцев. После распада СССР и обретения независимости страна была погружена в коррупцию, а политики действовали скорее в интересах олигархов, чем населения.

Гражданские тренируются бросать коктейли Молотова, Житомир, 1 марта 2022. Фото: Viacheslav Ratynskyi / Reuters

Украинцы стали теплее относиться к собственному государству после захвата Россией Крыма и появления в Донбассе самопровозглашенных пророссийских республик, но все же они куда больше доверяли частным инициативам. Именно гражданские проекты тогда организовали помощь переселенцам и собирали пожертвования на армию.

Эта динамика сохранилась и потом. Недоверие по отношению к властям никуда не делось, и для того, чтоб решить ту или иную проблему, представители гражданского общества старались организовываться самостоятельно, параллельно государственным структурам. Так, когда началась пандемия, Харьковский институт социальных исследований и Лаборатории журналистики общественного интереса, одной из основательниц которой я была, провели исследование, показавшее, что слишком активные действия волонтеров в какой-то мере усиливали недоверие к действиям официальных властей.

Когда Владимир Зеленский был избран президентом в 2019 году, отношения власти и гражданского общества были прямо враждебными. Активисты и культурная элита, доминировавшие в медиа, приняли в штыки бывшего комика, преобразившегося в политика-популиста (которым он и являлся). Зеленского, в свою очередь, раздражала критика из уст людей, которых он не знал — и сомневался в их готовности брать на себя ответственность за изменения, в которых нуждалась страна (что тоже правда).

Мы не занимаемся социологическими исследованиями с начала войны. (Хотя бы потому, что директор Харьковского института социальных исследований сейчас служит в армии, в одном взводе с успешным бизнесменом, 21-летним студентом-архитектором и двумя слесарями.) Вместо этого я провожу своеобразные фокус-группы во время командировок — и наблюдаю разительные перемены.

Сейчас в Украине можно говорить о реальном сотрудничестве между политиками, чиновниками и гражданским обществом. Например, когда власти из-за бюрократии, не поспевающей за реалиями войны, не могут поставить теробороне бронежилеты, они связываются с местными предпринимателями, которые организуют поставки самостоятельно. Так же происходит не только с военной экипировкой, но и с генераторами для больниц или детских садов, пожарными машинами и «скорыми», доставлять которые помогают военные. Тут не спорят, кто за что отвечает и кто виноват, если что-то не получилось. Чтобы решить общую задачу — сделать невозможное возможным — должны сотрудничать друг с другом все.

До войны многие чиновники были завсегдатаями пиццерии Олега Бибикова в Чернигове. Ему казалось, что «они живут не по средствам», говорит Олег, но задумываться о том, на что идут его деньги, он стал, когда заполнял налоговую декларацию. 25-летний ресторатор — яркий представитель украинской молодежи, которых я встречаю постоянно: они как правило аполитичны, но не доверяют властям. Война не оставила ему другого выбора, кроме как сотрудничать с ними. Весь март Чернигов фактически был в блокаде. Ресторан Олега, расположенный буквально в нескольких метрах от разбомбленного отеля «Украина», превратился в волонтерский центр, где сорок человек ежедневно готовили по 22 тысячи порций еды для военных и бойцов территориальной обороны.

Когда в городе отключилось электричество, холодильники пиццерии были заполнены мясом. «Я

позвонил мэру, он позвонил генералу, — рассказывает Олег. — И вместе с военными мы поехали в самый большой супермаркет в Чернигове, чтобы добыть генератор». Водопровод тоже серьезно пострадал от взрывов, но Олег связался со специалистами из геологической службы: рядом с рестораном выкопали скважину, подключили ее к водопроводу, и воду смогли получить все желающие.

Таких историй — о бизнесе, который сотрудничает с местными властями и военными без указки из Киева — все больше и больше. Антикоррупционный активист Костя Белов говорит, что власти его родного Запорожья по-прежнему делают много ошибок: по его мнению, они распределяли гуманитарную помощь не самым эффективным образом и хранили ее слишком беспечно — на одном складе. Сам он продолжает делать то, что в его силах. Вместе с другом из армянской общины они участвуют в работе инициативы по сбору пожертвований из-за рубежа в криптовалюте, на которые закупают средства гигиены или детское питание, а потом развозят по селам, жители которых не могут работать из-за комендантского часа и ограничений на работу общественного транспорта.

И все же Косте приходится сотрудничать с властями. Он лично знает многих сотрудников местной администрации — не в последнюю очередь потому, что между чиновниками и гражданским обществом нету поколенческого или социального разрыва. На первых после Майдана 2014 года парламентских выборах, а потом и на выборах 2019 года, так называемые профессиональные политики, присутствовавшие во власти со времен

обретения Украиной независимости, потеряли свои мандаты; партию Зеленского даже критиковали за активное исключение профессиональных политиков из бюллетеней. Теперь люди во власти и вне ее принадлежат к одному поколению: они вместе учились и работали бок о бок, так что даже политические оппоненты знают номера телефонов друг друга.

Многие представители местных властей теперь каждый день пишут в фейсбук или ведут видеотрансляции, чтобы избиратели могли задавать вопросы и узнавать актуальную информацию. Точно так же, как это делает Зеленский, но безо всякого указания с его стороны.

Старые обиды постепенно прощаются. После введения военного положения Зеленский получил право назначать мэров и глав военно-гражданских администраций по всей стране, но по большей части переназначил тех, кто победил на выборах, включая представителей оппозиционных партий и даже тех, чья лояльность Украине была под вопросом. Возможно, лучшим примером здесь будет Кривой Рог, родной город президента. Здесь, как и в расположенном по соседству Днепре, избрали мэров, выступавших против Зеленского, пусть и с противоположных позиций. Мэр Днепра считался более проукраинским, а Кривого Рога — пророссийским. Они пребывали в жесткой оппозиции не только друг к другу, но и к президенту. Теперь оба говорят, что общаются каждый день — и заявляют о полной лояльности правительству Зеленского. По крайней мере, до конца войны.

Причина отчасти кроется в том, что война объединила украинское общество перед лицом внешнего врага. Но Киев в любом случае не мог бы решить все проблемы, так что политикам на местах так или иначе пришлось бы брать на себя ответственность за решения, кооперироваться с коллегами и другими ветвями власти, не полагаясь на центральное руководство. Война заставила украинскую демократию децентрализоваться и сблизила власть и народ.

Мэры и главы администраций Донбасса напрямую контактируют со своими коллегами из западных областей, чтобы те могли принять переселенцев. Днепр служит перевалочным пунктом для товаров и людей на пути из Харькова и обратно, Запорожье выполняет такую же роль для Мариуполя, Кривой Рог — для Херсона, Одесса — для Николаева, и так далее. Руководитель Харьковской области говорил мне, что постоянно на связи с мэром Харькова, который представляет другую партию, чтобы вместе принимать решения — например, когда вводить комендантский час и безопасно ли заново открыть городское метро.

Российские власти, как и другие автократии, сравнивают демократические процессы с «хаосом». Но децентрализация укрепила Украину, дала людям силы брать на себя ответственность и подменять друг друга в чрезвычайных ситуациях. Если мэр не справляется, то местный депутат или член городского совета готов прийти на выручку.

Люди несут труп на носилках, Ирпень, 12 марта 2022. Фото: Marko Djurica / Reuters

Есть здесь и свои риски. В головах российских военных никак не укладывается, что местные власти в Украине не исполняют приказы президента и спецслужб, а по-настоящему представляют местных жителей и выражают свои мнения. Не способные понять такой свободы мысли, они пытают чиновников и активистов, требуя выдать организаторов антивоенных протестов на контролируемых Россией территориях. Только моя команда насчитала сотни случаев, когда местных политиков и чиновников похищали, держали под арестом, пытали и даже убивали за отказ сотрудничать. Так было с убитыми под Киевом сельской старостой Ольгой Сухенко, ее мужем и сыном. Во все еще оккупированной Херсонской области 35 из 49 сельских глав в разное время были задержаны либо похищены.

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

В 2015 году Любовь Злобина выиграла выборы и стала одним из восьми депутатов местного сельсовета в Малой Рогани, в Харьковской области. Любовь с гордостью вспоминает, как она, обычный фермер, победила «первую леди» села, жену бывшего главы администрации. После вторжения кто-то из местных

жителей рассказал россиянам о политических взглядах Любови, и вскоре ее ферма подверглась авианалету; погибли 160 коров, свиней и овец. Но этим российские войска не ограничились: Малая Рогань упоминается в докладе *Human Rights Watch* как одно из мест, где был зафиксирован случай изнасилования девушки российским солдатом. Военные, захватившие село, сказали Любови, что разместят технику на территории ее фермы, но она воспротивилась и сказала, что тогда пусть сначала убьют ее саму. Они направляли на нее оружие, но стрелять не стали.

Российским солдатам трудно было понять решимость украинцев отстаивать себя и свою землю. «Мы украинцы, для нас недостаточно лишь бы как, мы хотим жить лучше, мы хотим жить с достоинством, — говорила мне Любовь, — Я верю, что за это мы и боремся».

Я не соглашаюсь с популярной сейчас фразой, что свобода — «часть украинской ДНК». Я верю, что общество формируется не столько историей самой по себе, а тем, как история преподается в школах, обсуждается в семейном кругу и в публичном пространстве. Идеи свободы и готовности к протесту всегда были популярны в украинском обществе, но куда больший вклад в наше нынешнее самоощущение внесли тридцать лет независимости. Все это время, несмотря на попытки фальсифицировать результаты выборов, общество оставалось плюралистичным. Политическая конкуренция была грязной, но она была. Идеей свободы злоупотребляли популисты, но она осталось частью нашей политической и

гражданской культуры на всех уровнях, мы защищали ее во время протестов в 2004, а затем в 2014 году.

Украинцы сегодня живут не просто в учебнике истории — и это опыт, которого никому не пожелаешь, — а словно по учебнику по демократическому управлению. Теоретические понятия вроде верховенства права, прав человека, подотчетности власти практикуются на деле каждый день, причем часто с риском для жизни. Поэтому, в частности, украинцев может раздражать циничное отношение к этим ценностям и искренней вере в них, которые встречаются в некоторых западных политических кругах.

Кроме того, мы показываем, что демократия важна не только для элиты, для меньшинств, но и для широких слоев населения, для целого народа. Наш опыт показывает, что демократию стоит защищать не только потому, что при ней людям лучше, но и потому, что демократические режимы более устойчивы в долгосрочной перспективе, они дают людям большую надежду на будущее.

Спустя пять месяцев после начала войны, когда многие посольства уже вернулись в Киев, я часто слышу, как Запад был поражен единством, которое продемонстировали украинцы. Меня спрашивают, вернутся ли к нам политические междоусобицы прошлых лет. Тогда казалось, что они могут стать причиной распада страны. Но когда над нами нависла самая страшная угроза, оппоненты, наоборот, объединились. Все, что мы считали своими слабостями — политические распри,

мультикультурализм, отсутствие иерархий, — оказалось преимуществами.

Путин, возможно, прав в одном: быть украинцем — это политический выбор. Это значит принять осознанное решение о ценностях, верить в то, что свободные люди могут сделать свою страну лучше. Больше всего Путин боится, что наш пример будет заразительным. Сорок миллионов украинцев выросли с этими ценностями, и их нельзя выкорчевать — разве только уничтожив нас как политическую нацию.

Автор: Наталья Гуменюк

Оригинал: *“Russia’s Invasion Is Making Ukraine More Democratic”*, *The Atlantic, July 16, 2022.*

Перевод: Н. Б.